

Титов Олег Анатольевич

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ "ВОДА" В РАССКАЗЕ В. В. НАБОКОВА "ЛИК"

В статье раскрываются структура и функции лексико-семантического поля "вода" в рассказе В. В. Набокова "Лик". Автор работы доказывает, что обширное поле "вода", включающее в свой состав помимо ядерных групп также множество слов, обозначающих предметы и явления, ассоциативно связанные с водой, является важнейшим средством создания образа размытой и проницаемой границы между уровнями действительности, изображёнными в произведении. Посредством лингвистического анализа выясняется, что компоненты лексико-семантического поля "вода" активно вовлечены в состав рассеянных по тексту тропов, которые, в свою очередь, объединяются в развёрнутые имплицитные метафоры, формирующие "подтекст" набоковского рассказа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/9-1/50.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 1. С. 171-173. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

MAGICAL PROPERTIES OF A WORD AND THEIR REPRESENTATION IN THE INDO-EUROPEAN LANGUAGES

Sosnina Anna Aleksandrovna
Novosibirsk State Technical University
anna.sosn@yandex.ru

The article is devoted to the representation of fideistic ideas about the name in the Indo-European languages. The author focuses not on the culturological, but on the linguistic aspect of the problem, the origin of words and vocabulary material. This is the novelty of the research. The results of the work allow proposing that words always had a special status in the cultures of various peoples – in many languages belief in the ability of the name to change the reality and to affect superior forces, one's own or someone else's destiny is represented.

Key words and phrases: mythological consciousness; etymology; magical function of language; logos; unconventional interpretation of linguistic sign; fideism.

УДК 81:42

В статье раскрываются структура и функции лексико-семантического поля «вода» в рассказе В. В. Набокова «Лик». Автор работы доказывает, что обширное поле «вода», включающее в свой состав помимо ядерных групп также множество слов, обозначающих предметы и явления, ассоциативно связанные с водой, является важнейшим средством создания образа размытой и проницаемой границы между уровнями действительности, изображёнными в произведении. Посредством лингвистического анализа выясняется, что компоненты лексико-семантического поля «вода» активно вовлечены в состав рассеянных по тексту тропов, которые, в свою очередь, объединяются в развёрнутые имплицитные метафоры, формирующие «подтекст» набокковского рассказа.

Ключевые слова и фразы: В. В. Набоков; рассказ «Лик»; лексико-семантическое поле «вода»; подтекст; имплицитная метафора; многослойная вселенная; образ границы между реальностями; потусторонность; инобытие.

Титов Олег Анатольевич, к. филол. н.

Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского
olegitov2009@yandex.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ВОДА» В РАССКАЗЕ В. В. НАБОКОВА «ЛИК»

Вселенная, представленная в произведениях В. В. Набокова, всегда многослойна. Даже при поверхностном чтении в ней можно различить как минимум два уровня: мир персонажей и потусторонность. Примечательно, что потусторонность может находиться как выше реальности персонажей (мир Автора, рай), так и ниже её (продукт воображения одного из героев, аналог ада). Однако в обоих случаях инобытие не становится предметом описания. Оно может просвечивать сквозь ткань фиктивного мира, высылать туда своих представителей, затягивать героя... В целом же потусторонность остаётся таинственной областью со смутно очерченными контурами, подобной «белому пятну» на карте с традиционным определением «terra incognita». По сути дела, для Набокова важны не тот или иной уровень бытия сам по себе, а их соотношение и взаимодействие. Потому внимание писателя, как и сюжетное действие, сосредоточено на границе между реальностями, которая на момент изображаемых событий становится размытой и проницаемой. Символом такого её состояния в произведениях Набокова становится вода. Вполне возможно, что восприятие водной стихии как границы между мирами восходит к фольклору, где именно река (Смородина, Стикс, подземный и небесный Нил) отделяет потусторонность от царства живых. Тем не менее, можно найти и другое объяснение такой взаимосвязи. В книге мемуаров «Другие берега» Набоков приводит последние слова своей двоюродной бабушки Прасковьи Николаевны Тарновской: «Теперь понимаю: всё – вода» [1, с. 477]. Возможно, это семейное предание и закрепило у писателя устойчивую ассоциативную связь воды со смертью и возрождением на качественно ином уровне бытия. Потому и персонажи Набокова чаще всего переходят из одной реальности в другую через погружение в воду. Появление жидкой субстанции в сюжете произведения становится ещё и показателем возможности осуществить такой переход.

На уровне речевой организации образ воды-границы создаётся довольно обширным лексико-семантическим полем, структура которого и контекстуальные значения входящих в него лексем становятся важнейшими способами имплицитирования сложных отношений между разными уровнями реальности в художественной вселенной Набокова. В данной статье мы продемонстрируем подобный принцип создания «подтекста» посредством анализа лексико-семантического поля «вода» в рассказе «Лик».

В первую очередь следует отметить, что мотив воды проходит через всё пространство рассказа. Важнейшая его роль эксплицирована пятикратным употреблением центральной ядерной лексемы «вода», а также суффиксальной производной от неё – «водица». Здесь же представлены наименования водоёмов: «море», «речка», «лужа», «Лета», последнее из которых, называя мифологическую реку забвения, протекающую в царстве мёртвых, актуализирует ассоциативную связь воды с потусторонним миром. В большом количестве представлены также слова, обозначающие различные жидкости («кофе», «раствор», «чернила», «вино», «пот»), их состояния

(«волна», «струя», «капля», «пена»), признаки через отношение к воде («топкое», «мутно-глинисто-нильское», «солёный», «приморский»), связанные с водой действия («исчерпываюсь», «впадение», «потонет», «растает», «таяние», «плыть», «текла», «выплыл», «освежиться», «зачерпнуть», «обмыть», «омочить»). Ближе к периферии поля оказываются наименования ассоциирующихся с влагой природных явлений, предметов и признаков: «гроза», «снежинка», «испарения», «стихия», «накрапывало», «пасмурный», «туманные». Также выделяется значительная группа слов, имеющих более отдалённые, но устойчивые ассоциации с водой: «удочка», «пляж», «галка», «порт», «яхта», «крокодил», «бычок», «набережная», «паранет», «мол», «фонтан», «бездна».

Важно отметить, что значительная часть слов, входящих в состав лексико-семантического поля «вода», оказывается вовлеченной в различные тропы, система которых формирует в рассказе один из наиболее важных имплицитных уровней его содержания. В первую очередь, это сопоставление воды с гранью между мирами. Герой рассказа, русский актёр-иммигрант Александр Лик, страдающий неизлечимой болезнью сердца и не реализовавший себя в действительности, мечтает умереть на сцене и перейти в мир пьесы, «*вдруг по-новому расцветшей от его впадения в неё*» [Там же, с. 352]. Использование такой «водной» метафоры не только уподобляет героя реке, вливающейся в более просторный водоём, но самым корнем «пад» указывает на его стремление перейти на более низкий уровень бытия – мир фантазии, причём даже не своей. Момент такого перехода, соединяющий в себе пространственные, временные и художественные параметры, обозначен как «топкое место», а потому именно болоту, затягивающему героя, уподоблена проницаемая часть границы между реальностями. Метафора разворачивается и дальше: герой в этом случае «навсегда потонет в оживающей стихии» [Там же], то есть переход в инобытие уподобляется погружению в воду. Примечательно, что и сам герой в момент перемещения должен стать водой: он «*растает на сцене среди разноцветных испарений, промеж которых вдруг пройдёт в последний смертный миг блаженная струя другой, другой жизни*» [Там же]. Действие рассказа начинается с приближения героя к воде: он прибывает в «приморский» город. Здесь Лик остробно чувствует приближение смерти и начинает трансформироваться в воду, «таять»: «*в глазах двоилось от пота, а гладкое ощущение холодных, голых рук молодой партнёрши мучительно подчёркивало таяние его ладоней*» [Там же, с. 353]. Сопоставляя процесс потоотделения с таянием, Набоков не только создаёт выразительную метафору, но и кропотливо сплетает «подтекст». На эксплицитном уровне содержания «водная» метафора остаётся тропом, в то время как на уровне имплицитном слово «таяние» реализует своё прямое значение. Герой постепенно всё более приближается к границе-воде. При встрече с Колдуновым он оказывается на «набережной». Здесь само небо становится «пасмурным», а вода ведёт себя весьма активно: «*вблизи парашюта, там, где шлёпнулась пена, темнелись лужи*» [Там же, с. 359], даже дотягивается до Лика: «*его обдало прохладной пылью волны*» [Там же]. Во время второй встречи с Колдуновым герой уже практически «растворён» в водной границе между мирами, что выражается как метафорическими эпитетами «зыбкий», «пунктирный», характеризующими его восприятие собственного тела («он всем своим зыбким и пунктирным телом чуял наступление сердечного припадка» [Там же, с. 365]), так и метафорой «выплыл», изображающей движение героя («Лик бочком выплыл на улицу» [Там же]). Остаётся лишь последний шаг, и Лик делает его, заходя в море: «*...Нужно освежиться... как рукой... либо умру, либо снимет...*» [Там же, с. 366]. Тем не менее, граница не пропускает героя, а ставит перед ним новую цель в его реальности: «*Лик стыдливо подошёл к краю воды, хотел было зачерпнуть в ладони и обмыть голову, но вода жила, двигалась, грозила омочить ему ноги... и в ту же секунду Лик вспомнил картонку с новыми туфлями: забыл их у Колдунова! И странно: как только вспомнилось, образ оказался столь живительным, что сразу всё опростилось, и это Лика спасло...*» [Там же]. Вполне закономерен вопрос: почему же не состоялся переход героя в инобытие? В тексте можно встретить предположение автора о том, что для смерти Лик, «не скопивший никаких жизненных драгоценностей, едва ли был интересной добычей...» [Там же, с. 351]. Тем не менее, возможность такой трактовки оказывается очередной набоковской «ловушкой», отвлекающей читателя от более глубокого объяснения изложенных в рассказе событий.

Объяснение судьбы Лика заложено в ещё одном пласте имплицитного содержания, который создаётся образным употреблением слов лексико-семантического поля «вода». Объектом метафорического сопоставления здесь оказывается антагонист главного героя – его бывший однокашник-мучитель, а ныне «совсем опустившийся тип» [Там же, с. 354] Олег Колдунов. Связь этого персонажа с водой задаётся сразу и довольно прочно. В первую очередь – самим школьным его прозвищем «Крокодил», ибо «*было нечто мутно-глинисто-нильское в этом медлительном взгляде*» [Там же, с. 356]. Первое упоминание о его воплощении в действительности Лика связано с водой, портом, яхтами. Появлению Колдунова на сцене предшествует изменение погоды, добавление влажности: «*Погода испортилась, накрапывало, дул свежий ветер*» [Там же, с. 357]. Наделение Колдунова эпитетами «холодный», «солёный» призвано упрочить создаваемую автором ассоциативную связь между этим персонажем и водным чудовищем: «*Колдунов... на мгновение приложился к детским губам Лика холодной, солёной щечкой*» [Там же, с. 358]. В качестве апелляции к счастливому прошлому Колдунов приводит «водное» же воспоминание о совместной ловле бычков, в которой Лик никогда не участвовал: «*Помнишь, Саша, как мы с тобой бычков ловили? Абсолютно ясно. Одно из лучших воспоминаний. Да*» [Там же]. Образы прошлого искажаются Колдуновым, подобно тому, как карикатурно трансформируются отражения на поверхности воды от волн, поднятых всплывшим на поверхность чудовищем. Интересно, что попытки Колдунова затянуть Лика в своё жилище представлены как главная цель антагониста: на реальную помощь своего внешне благополучного однокашника он практически уже не надеется. Показать свой ужасный быт и поведать о собственных несчастиях – вот главные его задачи. И весь путь к этому жилищу изображается как погружение в жидкость, в отвратительную бездну, которая становится всё страшнее: «*...всюду текла чёрная, вонючая водица*» [Там же, с. 360]. Живёт же Колдунов возле фонтана – ещё одного объекта, связанного с водой и символически изображающего движение водной стихии вверх, сменяющееся падением на начальный уровень [2, с. 855]. Получается,

что элементы лексико-семантического поля «вода», группирующиеся вокруг образа Колдунова, вовлекаясь в состав различных тропов и символических деталей, создают рассеянную по тексту имплицитную метафору, сопоставляющую Колдунова с чудовищем, всплывшим из бездны инобытия. Это чудовище заставляет героя заглянуть в эту ужасную бездну и возвращается туда, выполнив свою сюжетную миссию (самоубийство Колдунова в финале рассказа). После смерти Колдунова граница с инобытием начинает отвердевать, вновь становится непроницаемой, что выражается употреблением слова «осколки»: «Среди осколков на полу навзничь лежал...» [1, с. 367]. Здесь лексико-семантическое поле «вода» пересекается с полем «стекло». Слова, входящие в состав обоих этих полей, объединяются общей семой «способность отражать». Во вселенной Набокова оба поля используются для создания образа границы, но при этом стекло символизирует твёрдое её состояние, а вода – жидкое, в результате чего грань между мирами становится проницаемой.

Таким образом, в рассказе «Лик» изображён ещё один аспект отношений реальности персонажей с инобытием. Герой, мечтающий о счастливой и полной жизни в мире своих и чужих фантазий, то есть реально-сти более низкого уровня, получает весьма убедительное предупреждение: из бездны его памяти и воображения поднимается страшное чудовище, заставляющее его по-новому взглянуть на эту область инобытия. Мир фантазий оказывается населён не столько прекрасными образами, сколько сознательными и подсознательными страхами, накопленными на протяжении жизни, а потому это вовсе не блаженный мир, а персональный ад, наполненный собственными демонами. Герою рассказа даётся наглядное объяснение, что он, надеясь на счастливое инобытие, смотрит не в том направлении.

Для выявления отдельных слоёв имплицитного содержания прозы В. В. Набокова существует множество различных «ключей». И одним из них является анализ лексико-семантических полей, создающих ключевые образы его творчества. Сама структура поля, пересечение его с другими полями, а также вовлечённость входящих в него слов в состав рассеянных по тексту тропов, соединяющихся, в свою очередь, в развёрнутые имплицитные метафоры, – всё это даёт возможность более глубоко постичь произведения этого талантливого писателя.

Список литературы

1. **Набоков В. В.** Рассказы. Воспоминания. М.: Современник, 1991. 653 с.
2. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка. М.: «А ТЕМП», 2004. 944 с.

THE LEXICO-SEMANTIC FIELD “WATER” IN V. V. NABOKOV’S SHORT STORY “LIK”

Titov Oleg Anatol'evich, Ph. D. in Philology
Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
olegitov2009@yandex.ru

In the article the structure and functions of the lexico-semantic field “water” in V. V. Nabokov’s short story “Lik” are revealed. The author proves that the broad field “water”, which has in its composition in addition to the nuclear groups many words denoting objects and phenomena associated with water, is the most important means of creating the image of blurred and permeable boundary between levels of reality depicted in the work. Through the linguistic analysis it is identified that the components of the lexico-semantic field “water” are actively involved in the composition of the tropes placed throughout the text that in turn unite in expanded implicit metaphors, which form the “subtext” of Nabokov’s short story.

Key words and phrases: V. V. Nabokov; short story “Lik”; lexico-semantic field “water”; subtext; implicit metaphor; multilayer universe; image of boundary between realities; other-worldliness; otherness.

УДК 811.161.1

В статье рассматривается синтагматическая специфика производного предлога «в соответствии с (со)». Анализируемый предлог входит в ядро языковых средств выражения категории соответствия. Результаты анализа показывают, что производный предлог полностью наследует правую валентность глагола «соответствовать», дериватом которого является. Левая валентность предлога замещается акциональными глаголами и отглагольными существительными. Предлог устанавливает между компонентами отношение, которое может быть определено как «действие, отвечающее эталону».

Ключевые слова и фразы: служебные слова; производный предлог; отношения соответствия; типы контекстов; синтаксис.

Чуеакаев Тханапхан
Шереметьева Елена Сергеевна, д. филол. н., доцент
Дальневосточный федеральный университет
nhu_nha_tiffany10@yahoo.com; e.sheremetyeva@gmail.com

ПРОИЗВОДНЫЙ ПРЕДЛОГ «В СООТВЕТСТВИИ С»: СПЕЦИФИКА СОЧЕТАЕМОСТИ

В современном русском языке идет активный процесс втягивания знаменательной лексики в разряд служебной. Этот процесс охватывает все классы служебных слов, но особенно явно он протекает в области предложной системы. Термин «производные предлоги» яркое тому подтверждение.